

Константин Б.Серафимов

Осеннние спасы

Осенние спасы

...Замечательная история про спасы, и фото удивительное с 1979 года!

А цветное? Неужели уже тогда были слайды??

*Но самое главное, что конца-то нет....
Нашли группу? Что с ними было? Долго искали?*

Вот, позволь усомниться, по поводу ранней осени - особенно на цветной фото - чтобы столько снега навалило – он месяц идти должен!!

Из писем, 2016 год

У меня пока выпала свободная минутка от сборов в Гоморру.

Вот надо же - едем на 3 дня, а сборы как на месяц! Куча мелочей, которые ну никак нельзя забыть дома...

Мне нравится, когда время течет долго-долго, как в Детстве.

Именно так сейчас оно струится.

С неделю назад упомянул к слову о тех спасах на Ивановском белке в 1979-м, а вот вспомнилось, и не уходит.

Ну, тогда надо рассказать – вопросы-то хорошие.

Они позволяют вернуться в те времена, куда просто так не отправишься.

Слайдовская пленка

Слайдовская пленка у нас появилась в 1976 году. Причем практически одновременно "Свемовская" и "Орвохром". Советская хреновенькой оказалась – все цвета вело в синеву, да и цвета были так себе. А вот гэдээровская была супер.

Так что первые свои слайды я снимал зимой 1976-го года, в феврале, в Крыму. У нас был замечательный выезд на Чатырдаг – с только что обретенными друзьями из спелеогруппы "ипНАср" МГРИ – летом 1975-го мы познакомились на Сумгане.

Вот они мы – на вершине Эклизи-бурун: слева Боб Вейс, Вовчик Свистунов попирает каску Наташки Чегодаевой, рядом с ним Леха Казеннов, а справа сам я, в своих триконях и самокованым ледорубом, а также желтой каске "Метрострой", характерной для нашей катакомбистской группы "Fantom".

Это февраль 1976 года.

Из всех Мужиков на этом фото - один я и остался...

Но снимали мы тогда в основном на черно-белую пленку.
Вот мы в том же заезде с Таней Зубрилиной на дороге к Красной пещере.
Это мы когда уже с "Чердака" спустились, поехали в Красную нырять.

А слайды с этого времени стали вытеснять черно-белую пленку. Единственная проблема была в проявке. Пока жил в Москве, было просто – отнес в ателье и все. А как уехал в Усть-Каменогорск... эти почтовые посылки на проявку длились долго. Невтерпеж, а деваться некуда.

Потом наш умелец Шынгыс Дюйсекин научился сам проявлять – химикаты купить можно было, но технология требовала большой тщательности!

Вот мы с Шынгысом на Буковой поляне во время СИП-82.

Я у него научился и потом до самого конца уже сам проявлял.

Правда, тоже была проблема – накопить 10-12 пленок на комплект проявителя. Еще больше ждать приходилось...

Так что в 1979 году, когда те поисковые работы приключились, слайды уже снимали все, кому не лень было их проявлять.

Усомниться по поводу ранней осени можно, это да.

Осень уже перевалила за середину, была вторая половина октября, конец Золотой осени в наших горах. Высоты-то приличные: под 2 – 3 тысячи метров. А снег на высоте всегда ложится рано – на вершинах, на перевалах. Порой лежит круглое лето. Не даром горы «Белками» называются: Ивановский белок, Линейский белок, Сержинский белок, Рассыпной...

Но не в долинах рек.

Вся бяка была в том, что в конце октября сыпанул такой снег, что завалил и долины горных рек, речек и ручьев. А вот этого устроители той туриады предвидеть не сумели – сайтов погодных тогда еще не было.

Группы отправились в маршруты по прекрасной осени и успели отойти дня на 3-4, а тут и непогода.

Не помню уже точно, как должны были двигаться те группы. Выходили они из-под Зыряновска – каждая по своему маршруту, чтобы выйти на альпийские луга вокруг Мало-Ульбинского водохранилища, спуститься в бассейн Громотух и встретиться в районе пика Ворошилова (высочайшая точка района – Выше-Ивановский белок, 2778 м) с всеобщим или частичным восхождением на него. И уж оттуда – в Лениногорск, через вершину или по перевальным маршрутам.

В общем, 6 туристских групп вышли, и попали в снегопад. 5 поняли, что не пройти, повернули назад по своим долинам и вернулись в низовья, откуда начинали.

А одна пропала.

Группа была из Серебрянска.

Выходили они из-под Зыряновска вверх по Тургусуну, потом должны были уйти с него влево по Малому Тургусуну, подняться на джайляу в районе Мало-Ульбинского водохранилища и оттуда свалиться в междуречье верховий реки Громотуха под пиком Ворошилова на соединение с остальными.

Но не вышли.

Никуда.

Канули в снежной небесной вакханалии.

Надо еще учесть, что туриада была не лыжная, а горно-пешеходная. И застигнутые снегом, группы были вынуждены тяжело тропить пешком. Это «удовольствие» я испытал этой же зимой, через три месяца на зимнем Сумгане. Но это случилось позже.

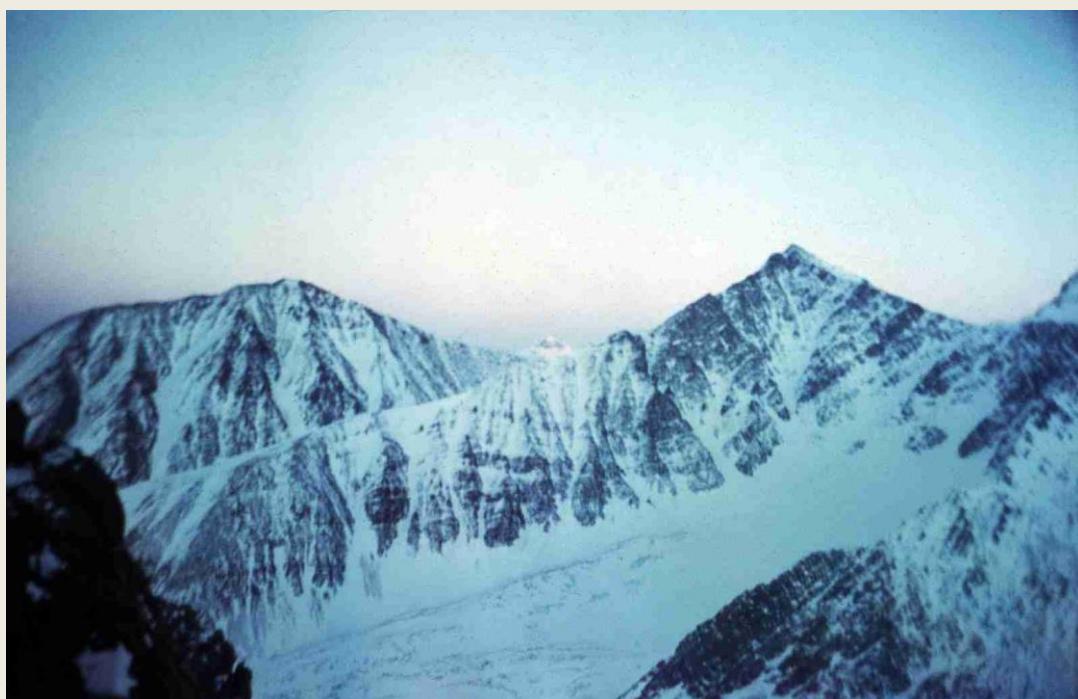
Пропавшую Серебрянскую группу мы отправились искать через неделю с их выхода.

Ну да, где-то неделя уже прошла.

Пока то да се, пока в КСС позвонили, пока власти подключились. Вертолетами искать не могли – горы утопали в снежной пелене, а когда распогодится – кто ж когда знает?

Но машина закрутилась, и отправили нас 6 групп по 8 человек лыжников: 3 – вслед по маршруту пропавших, из поселка Тургусун при владении одноименной реки в Бухтарму, далее расходясь на возможные варианты, а 3 – навстречу, оттуда, куда они по идее выйти были должны.

В числе последних была и наша команда: Андрей Ложников – руководитель, Толик Нефедов, Витя Есиков, Костя Юринский, Саша Анисимов, Женя Боровиков, Валька Вологдин (врач), и я.

Странное начало

Начиналось все несколько маразматически.

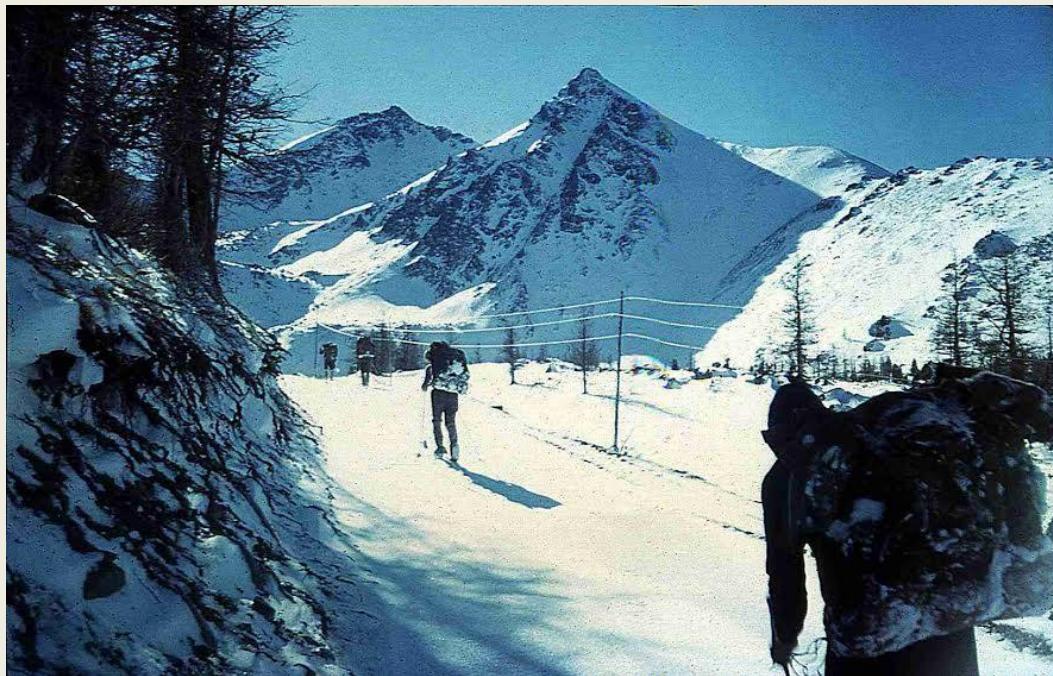
В наших трех группах большую часть спасателей составляли альпинисты клуба "Ирбис" во-главе с самим Виталием Балюкиным, руководителем федерации Альпинизма, клуба и личностью реально выдающейся и весьма известной в альп-кругах. Понятно, что безусловным лидером в нашей объединенной поначалу спас-бригаде был Балюкин. И вполне естественно, что он потянул на себя одеяло руководства всеми 3-мя группами.

Однако вторая часть спасателей была горными и лыжными туристами клубов "Искатель" и "Меридиан", и они по праву считали, что не хуже Балюкина, а то и много лучше знают горы Выше-Ивановского узла в плане перевальных и долинных маршрутов.

Но поначалу, как только мы приехали из Лениногорска, Балюкин всех построил и повел по старой шахтной дороге, которая ведет в горный цирк под пиком Ворошилова.

Повторю, что это высочайший пик горного узла – 2778 м, раньше – до СССР, и сейчас – после, он Выше-Ивановским Белком называется. А тогда – пик обозвали именем героя Гражданской войны да так и величали.

Докуда дорога позволяла, нас на 66-м забросили, а дальше на лыжах.

Погода была отличная. И часа за 2 мы в этот цирк поднялись. Там во время войны рудник был, потому и дорога. А вот дальше? Цирк - он потому и цирк, что похож на Шапито - горы со всех сторон!

Я тогда мало что знал в этих горах, только из Москвы вернулся, потому помалкивал да слушал. Но и то мне показалась странной затея Балюкина. А идея оказалась в том, чтобы проверить – нет ли на вершине пика Ворошилова записки от пропавшей группы?

Вот типа они таки смогли взойти, а потом потерялись на спуске.

И это при том раскладе, что снегом ребят засыпало задолго до расчетного окончания маршрута, и ни одна из вернувшихся групп даже не приблизилась к этому пику! Не маразм?

Маразм.

Туристы заворчали, и высказанная кем-то мысль, что "Альпинёры, де, хотят под шумок восхождение замастырить", показалась мне весьма резонной...

А что еще делать в горном цирке, откуда выхода нет, кроме как назад по дороге или на вершину?

Однако, авторитет Балюкина был велик, и в открытую никто пока не возмущался.

Перекусив в цирке, наша колонна (24 спасателя!) повернула налево и полезла из цирка на левый гребень. Вот как это действие выглядело: картина просто мистическая!

Идея была такова – "С гребня в любую сторону близко – и вниз, в перевальную долину, и вверх - на вершину".

За нами долина, откуда мы приехали и поднимались, видна рудничная дорога. С лыжами на плече сам биг-альп-босс Балюкин.

Выбрались мы на гребень с лыжами на себе и попилили по нему вверх. И с каждым шагом это мне все больше не нравилось. Потому что пути с этого гребня не просматривалось.

Влево и вправо – крутые каменистые склоны со скальниками, кулуары забиты снегом, а лавины в наших краях не абстракция.

Впереди тоже ничего хорошего, потому что гребень мог вывести нас только на пик Ворошилова – не мытьем, так катаньем!

И я начал задавать вопросы. Своим со-спас-группникам.

А мужики наши тоже все понимали не хуже меня. Потому что с не меньшей тревогой поглядывали влево – в поисках какого-нибудь варианта спуска в долину, по которой можно было выйти на перевалы, ведущие в междуречье Левой и Правой Громотух. Не было другого варианта: вправо – спуски обратно в цирк, прямо – на вершину. Оставалось только спускаться влево.

Дело кончилось тем, что наша группа заявила о "выходе и коалиции".

Мы начали активно искать вариант спуска и, в конце концов, не просто, но скорячились в долину. С огро-о-омным облегчением! Опасные это были маневры в неприспособленных для ходьбы по снегу вибрахах, без веревок, да еще с рюкзаками с недельной выкладкой и лыжами наперевес ...

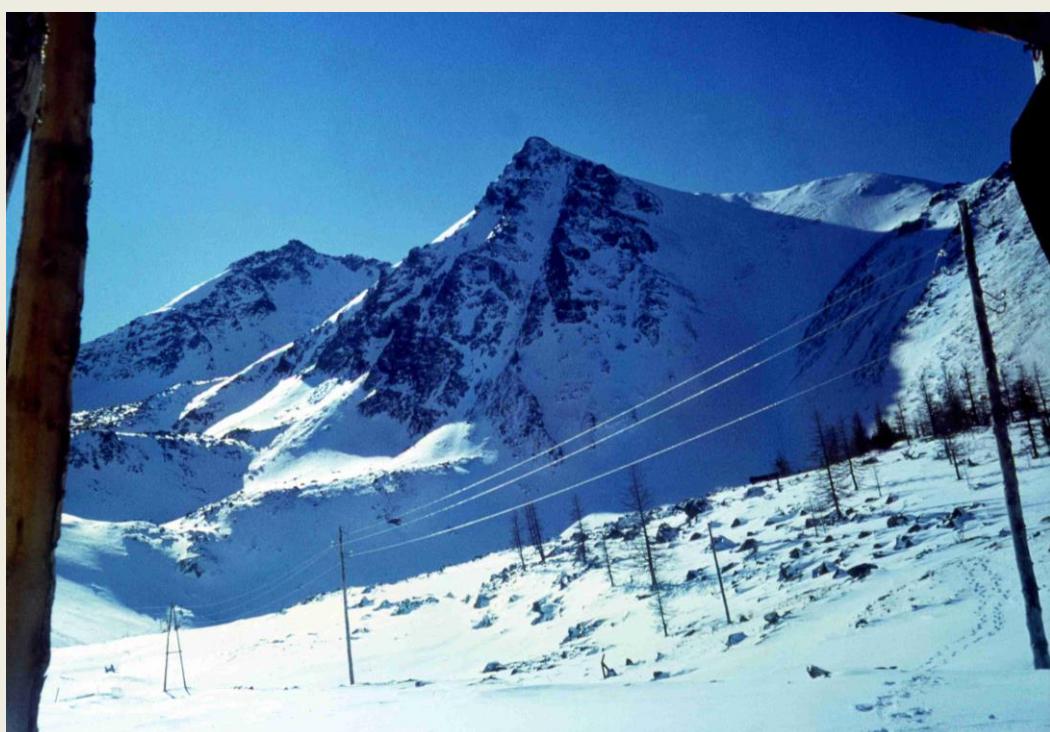
До сих пор толком не знаю, куда пошли, что делали и чем занимались две остальные спас-группы, где власть Балюкина осталась нерушимой. Раций у нас не было, связи между собой никакой – чисто автономные маршруты.

Мы спустились, они остались на гребне.

А мы поспешили вверх на перевал. Мы уже потеряли кучу времени на эти альпинистские выкрутасы. Если бы сразу свернули с шахтной дороги в эту долину, уже одолели бы перевал и были уже где-то на спусках к Правой Громотухе.

Да-а... день был начат бездарно. Особенno если вспомнить, что мы вели спасработы.

Как оказалось, это был наш первый и последний погожий день...

В белых снегах...

Последние участки подъема на перевал – слабо заснеженные крутые осыпи, где на лыжах не пройти.

Справа гребень пика Ворошилова, откуда мы скорячились, правда, не тут, а в часе ходьбы ниже. Здесь уже не смогли бы. А вдалеке белой полоской над едва заметной густотой неба синеет Проходной белок – дальний берег Левой Громотухи, куда нам еще минимум день ходу.

Так что мы, собственно, сюда шли.

По плану спас-работ наши три спас-группы должны были прочесать русла обеих Громотух и речки Малая Ульба – как возможные пути выхода из района потерявшейся группы.

Сначала идем все вместе и переваливаем Выше-Ивановский хребет (Балюкинские идеи были чистой самодеятельностью).

Потом Первая группа уходит вниз по Правой Громотухе.

Две оставшиеся переваливают следующий водораздел, и Вторая группа тоже уходит вправо – вниз по руслу Левой Громотухи.

А Третья (мы) – с Левой Громотухи поднимается на Проходной белок, по которому идет дорога (потому он и Проходной) к озеру-водохранилищу, где стоит небольшая ГЭС в верховьях Малой Ульбы. Там есть люди, рация и аж две дороги в сторону Жилья: короткая – в Лениногорск-Риддер, длинная – через долину Мякотихи к Серебрянску.

От ГЭС, сориентировавшись, по обстоятельствам.

Повторю, что мы проверяли варианты ухода пропавшей группы, если предположить, что они из бассейна реки Бухтарма успели перевалить на нашу сторону горного узла.

В этом случае им пришлось бы уходить вниз по Громотухам или по Проходному белку - единственно логичные пути выхода из района в такой ситуации...

Вот так, во второй половине того не слишком длинного октябряского дня, мы вышли, наконец, на перевал в долину Громотушенского междуречья.

На перевале. Намечаем маршрут, слева направо: Женя Боровиков (единственный среди нас альпинист), Толя Нефедов и Андрей Ложников, Витя Есиков и Саша Анисимов:

С перевала мы "покатили" вниз. В кавычках – потому что с крутяка мы худо-бедно съехали, а дальше началось плоскогорье, украшенное линзами замерзших озер:

Здесь мы оказались после полудня. А это значило, что свое время мы упустили: начался подлип.

Кто в курсе, понял. Подлип – проклятье лыжника. С каждым шагом лыжи облипают все новыми слоями снега. Поначалу оббиваешь палками, сражаясь. Потом – все, не помогает.

Мы остановились и взялись за радикальные средства.

Ну, старые лыжники? Как мы боролись с подлипом? У каждого, конечно, свой опыт, но лучшего средства, чем свечка, я не знаю. Старая добрая стеариновая свеча. Отскабливаешь лыжу от снега, сушишь, сколько удается, обтирая тряпкой, и натираешь свечой. Старатально.

Можно ехать. Во всяком случае, пока стеарин не сотрется.

Вот так, с парой остановок мы и дотянули до спуска в долину Правой Бухтармы, украшенной редким кедрачом.

Ночевать встали на берегу Правой Бухтармы - в крохотной охотничьей избушке. Даже не избушке, а этаком прямоугольном бревенчатом срубе с плоской крышей, едва выдававшейся над снегом: натурально блиндаж-землянка.

Этот день дал первый, хоть и небольшой результат: по Правой Громотухе следов пропавшей группы мы не нашли. В избушке никого не было давно, следов – никаких. И на другом ее берегу тоже ничего не просматривалось.

Из этого следовало, что Первая спас-группа может не проверять долину вниз по течению. Сюда туристы могли попасть только с самых верховьев реки. И если тут следа нет, значит, не ходили они по этой речке.

Но нашим коллегам предстояло самим делать умозаключения, так как передать им свои результаты мы не могли никак...

Мои университеты

Где-то на подходе к избушке я сломал лыжу – носок. Как-то нелепо получилось, не падая. Просто неудачно наступил или въехал носком под корягу, не помню уже. Помню, что расстроился этакой своей неловкости. И так мужики подтрунивали над моей экипировкой: лыжи равнинные – узкие, вместо бахил – "фонарики", не закрывающие вибрам.

В общем, что с меня взять, одно слово – спелик!

Надо сказать, что ломать лыжи мне, конечно, было не впервые. Была уже со мной одна история. В школе еще. В старших классах.

Каждый год ранней весной работники многих предприятий Усть-Каменогорска на заказных автобусах отправлялись кататься на лыжах и санках в Горную Ульбинку, на 38-й километр. Регулярно выезжали и мы с Батиным заводом Приборов. В марте пологие склоны гор, с метровыми снегами меж осинок, пихт и берез были прочерчены лыжнями на любой вкус: хочешь – броди по белоснежным лесам, хочешь – катайся с горок, а хочешь – жарь шашлыки на кострах у трассы. Солнышко припекает, загорай – не хочу!

Как-то я поехал без родителей, с их сослуживцами, с ночевкой в домиках пионерлагеря имени Павлика Морозова. Приехали в пятницу вечером, а раненько утром, когда все еще только продирали глаза, я встал на лыжи и рванул на Гору. Лыжня гремела намерзшим ледком – ночью мороз сковал талые склоны, покрыв их местами тонким ледком. Солнышко только-только выбиралось из-за хребта, когда я выбрался на одну из хорошо известных по прошлым выездам горок. Никого вокруг – красота! Можно не бояться, что кто-нибудь выкатится наперерез или не рухнет перед носом.

Дальше было так. На середине спуска на приличной скорости обе мои лыжи вошли под предательскую ледянную корку, бросив меня лицом на наст так стремительно, что я не успел даже выставить руки. Результат: напрочь отломленные носки обеих лыж, очки вдребезги, явно легкое сотрясение, болью стучащее в голове. К счастью, не порезался стеклами...

Какое-то время я просто сидел на снегу, борясь с контузией. Потом встал.

Мир померк. Не столько оттого, что теперь я плохо его видел, сколько от перечеркнутого катания. В самом начале! И еще как-то надо было дойти километра 3 до домиков. Лыжи категорически не желали теперь даже идти толком, постоянно врезаясь обломками в наст.

Но я побрел. А куда было деваться?

На счастье, какой-то взрослый дядечка, наверно, видел мое «мертвое» падение, а потом долгий отходняк, и подъехал проверить, все ли у пацана в порядке. Увидев, присвистнул. У узнав, куда мне идти, сказал:

- Снимай варежки, надевай на носки-обломки, тогда худо-бедно доедешь.

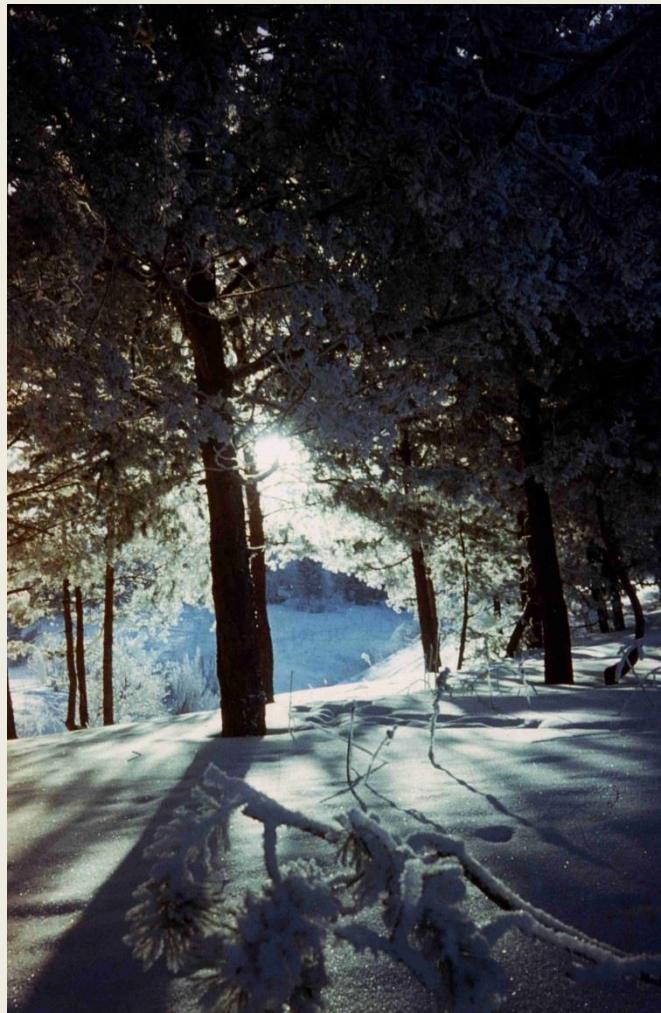
Трудно представить, во что превратились вязаные Мамой варежки, когда я подходил к домику! Это были полуметровые чулки, натянутые на лыжи почти до крепления. Но – факт: порой я мог даже скользить вниз по лыжне, а уж идти получалось и вовсе нормально. Оставалось только как-то пережить этот печальный день до отъезда домой в город...

Мартовская сказка Горной Ульбинки (фото 1984 года).

Так что кое-какой опыт поломок у меня был. Вот так, с варежкой на обломке, я и доковылял до нашей первой ночевки на Правой Бухтарме.

А после ужина мужики: Костя Юринский с Толиком Нефедовым занялись моей лыжей. И то: готовь сани с вечера...

Благо, освободились две банки из-под тушеники. Донышки аккуратно вырезали, стенки сплющили, и эти бандажи надели на состыкованные сломанные концы, сбив тонкими гвоздиками из ремнабора.

Это потом мы возили с собой готовые титановые носки с болтом – привернул на обломок, и вся недолга. А тогда это был полезный для меня урок полевого ремонта лыжи. Ну и комплектацию ремнабора узнать было не лишне – потом не раз пригоджалось.

Растяплилось к ночи. Не к добру.
Потому что с утра захмарило, и больше мы солнышка не видели – кончилась погода.

Спали тесно, но тепло. Думаю, не я один радовался, что вовремя отвалились от альпинистов: приди мы сюда всей толпой, горевали бы в палатках...

Анисимовские переправы

Фишка была в том, что нам предстояло как-то форсировать две горные речки, сами названия которых – Громотуха! – очень красноречивы.

Пока пилили-кололи дрова, пока таскали, разводили костер, все посматривали на свинцово-шумливую реку, приютившую на своем берегу эту избушку. Правая Громотуха еще не встала. Рановато было покрываться льдом. Как-никак всего лишь конец октября. Да с таким течением вода и по зиме дольше без льда держится – бурлит.

Честно говоря, я и сегодня не очень понимаю, как мы собирались переправляться, да еще через две горные речки с такими славными именами. Веревок с собой у нас не было, да и где тут навесную натяньешь, когда берега лысые, куда ни глянь?..

По плану, должны были подниматься к верховьям и там обходить – длинноватый маневр, но единственно логичный. Так как был шанс подсечь след, если он остался, и без купаний.

Но теперь необходимость идти в верховья отпала: если тут пропавшие не спускались, то и выше по течению их не было. Логично было побыстрее проверить и Левую Громотуху, а для этого надо было как-то переправиться через Правую...

Это удовольствие отложили на утро – утром воды в горных речках меньше.

Утром вышли искать переправу. Тропили вверх по течению, высматривая и шли бы долго, так как Громотуха не собиралась сужаться или предлагать нам варианты.

В верховьях, да еще по осенней малой воде, Громотуха выглядит ягненком. Этакая речка-переплюйка. Но поди – переплюнь!

В конце концов, успех обеспечил Саша Анисимов. Вот не даром он в нашей команде был единственным, но зато самым крутым водником!

Саша Анисимов в белом «молоке».

Анисимов ходил на плотах. Сначала, понятно, на простых, деревянных с баллонами (хотя простыми эти суда назвать язык не повернется - кто строил, не даст соврать)

Потом его "Рамзесы" потрясли мое спелеологическое воображение несказанной мощью ставов из титановых труб и могучих гондол-понтонов из непробиваемой ткани "камаз".

А грэби! Их титановые стволы смотрелись артиллерийскими.

Позднее мне повезло присутствовать при первоходжении командой капитана Анисимова на "Рамзесе IV" Нарынской щели на реке Тургусун. До сих пор помню фотографически!

Так вот Саша - уж не знаю, по какому наитию! – взял с собой болотные сапоги. В поисковые лыжные спасы! Каково?

Гениальное предвиденье возможных осложнений.

Это и решило дело.

Наш Харон исправно перенес на другой берег Правой Громотухи всю команду, рюкзаки и лыжи. И ни разу не упал! Не то был бы абзац, конечно...

Вот так проходили наши переправы - просто и эффективно.

А если бы Анисимов не взял болотники?

Думать боюсь...

В этот день мы вышли к Левой Громотухе.

На Левой Громотухе тоже не было следов. Не спускались сюда люди с ее верховьев или с Мало-Ульбинского плато.

Погода окончательно испортилась. В том плане, что еще больше потеплело и пошел снег. Он сыпал пушистый, мягкий и заносил следы. Если они и были, скоро должны были исчезнуть вовсе...

Мы покрутились по правому берегу в поисках места для "Анисимовской переправы" – такие места надо искать на самых широких разливах, где глубина становится небольшой.

Несмотря на то, что время было полуденное, успешно перенеслись через речку на крепких плечах Саши.

Проходной Белок

Пообедали в тени крутого Проходного белка. Времени оставалось слишком много, чтобы искать место для ночевки, и маловато, чтобы идти дальше. Но мы пошли. Решили в этот же день подняться на Проходной и выйти к гидроэлектростанции. Ночевать всяко лучше в доме, чем в палатках.

И пошли. А погода прижимала нас снегом. И без того мутное небо окончательно село на черные свечки кедров и пихт на склонах.

Проходной белок густо залесён по склонам - я его таким с раннего детства помню. Еще с до школы.

Коротким Алтайским летом мы каждый год выезжали на пару недель в лес. Это называлось "на Дачу". Дачей служили домики профилакториев Элтайэнерго и Шахстроя, в Лениногрском сосновом бору на правом, плоском, берегу реки Громотуха.

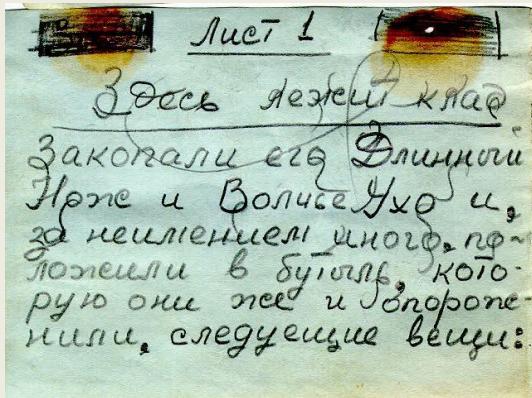
Эти благословенные домики среди густотравья влажного горного лета купались в сосновом дыхании бора. И над всем неумолчно висел густой гул воды - Громотуха!

Вот он я - летом 1958 года, когда пасмурных дней было больше ясных, и по крышам уютно шуршали мелкие бесконечные дожди.

Сколько себя помню в детстве, почти каждый год возвращался на берега Громотухи.

Чаще всего с Бабушкой Мариной, а родители приезжали на выходные, в старших классах - с побратимом Сашкой. Ходили по грибы в Бор и за ягодами на Проходной белок, лазали по сосновам и бродили по реке.

Это с Сашкой в 1969-м году, в последнее школьное лето, мы закопали на Проходном бутылку со своими тайными желаниями – под огромной лиственницей, хорошо заметной на хребте даже с нашего берега Громотухи.

Мы с побратимом Сашкой на берегу Бухтармы, весной размывшей берег у самых домиков, который насконо укрепили, набросав бетонные лестничные пролеты.

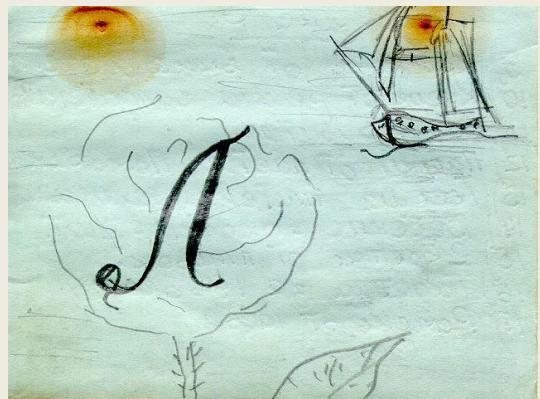
А за нами, вот он – Проходной белок.

Через 10 лет я вернулся на Проходной с Лю (тогда еще не моей) и отыскал ту бутылку....

Аккурат за год с небольшим до этих спас-работ.

Но то уже совсем другая история.

Мало-Ульбинский рай

Итак, мы полезли на Проходной белок. В лесистых склонах снегу заметно прибыло, и чем выше, тем больше. Тропежка по рыхляку становилась все труднее. Сменялись все чаще, постепенно возносясь в мельтешащую хлопьями пелену. Поначалу я работал наравне со всеми, но очень скоро мужики не выдержали и отправили меня в хвост: "Все равно за тобой идти - тропить заново!"

Узкие лыжи, леший их заломай...

Правда, второй раз это было бы уж и вовсе некстати.

Так я и пилил сзади по лыжне весь подъем, и хоть и досадно ехать на плечах парней, но делать-то было нечего.

Валя Вологдин на подъеме:

К концу светового дня мы поднялись на плато. Не знаю, как мужики ориентировались в этой молочной мгле, но Ложников с Нефедовым точно вывели нас к цели.

Как странный горный мираж, распахнулось из снежных занавесей Мало-Ульбинское озеро-водохранилище:

А потом – это было здорово! – мы выкатились из пашни подъема к жилью. Странно смотрятся в белесом слиянии неба и земли занесенные снегом приземистые домики гидро-электро-станции с одиноким дымком над "командным пунктом" с радиостанцией.

Сняв лыжи, первым делом, конечно, зашли к радиостанции – отметить, узнать, что происходит в мире и договориться о ночлеге.

Не могу передать уют беспорядочной целесообразности таких зимних скрипучих домов, с низкими притолоками, запахом дымка и потрескиванием стреляющих в печи поленьев, паром дыхания в сенях и дымом папирос внутри. Картинки из журналов, развешенные по штукатуренным по дранке стенам, писк рации и обнимающее тепло - пришли!

Новости не радовали.

Пропавшую группу пока не нашли - это значит: плюс двое суток они в автономном сражении с горами.

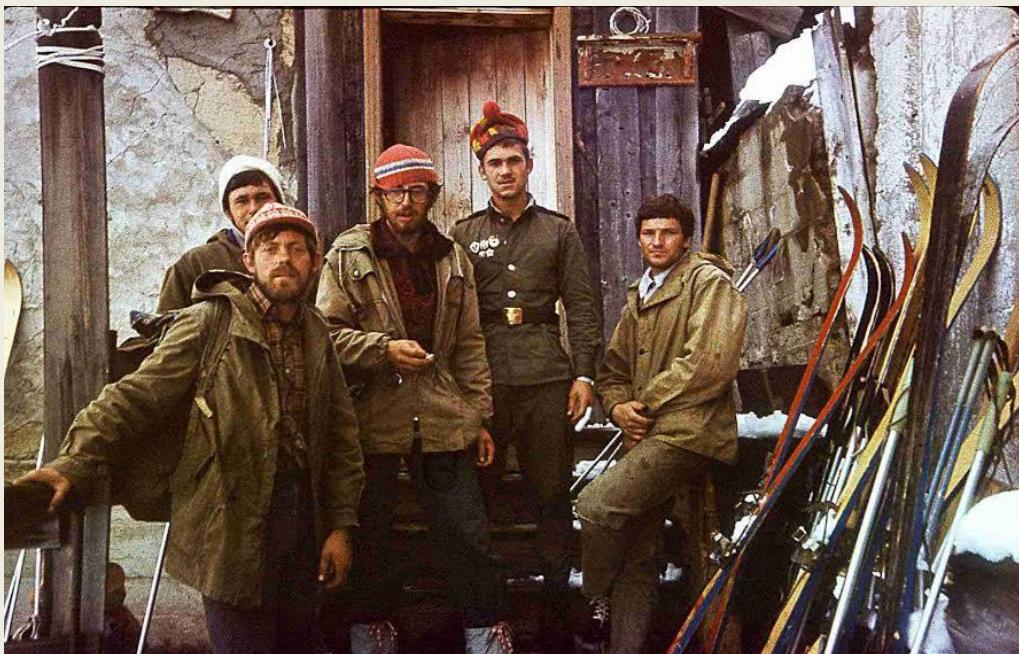
Но самым неожиданной оказалась информация о составе пропавших. Вместо заявленных восьми, а то и десяти туристов, на маршрут в конечном итоге вышли пятеро: четверо девушек и один паренек, практически школьник-старшеклассник.

И вот эта команда где-то сейчас - наедине с выюжной непогодой...

Радист Мало-Ульбинской ГЭС

Кроме нас, сюда еще вчера, по хорошей погоде, пробился армейский вездеход ГТ-Т (гусеничный транспортер-тягач) с отделением из четырех солдатиков под командованием старлея-двуходичника. И тут сломался. Солдатики бьются с ремонтом, а потому от техники пока толку ноль.

На крыльце радиостанции слева направо: Женя Боровиков в белой шапочке, Андрей Ложников, я - в красной шапочке, сержант - командир отделения ГТ-Т, Саша Анисимов и наши лыжи:

Ода походным медикам

Под ночлег нам отвели комнату в одном из пустующих бараков. Это было замечательно! Обшитые досками стены, дощатые нары на половину комнаты с брошенными поверх полосатыми матрацами, печка.

Уж не помню, кто из мужиков попросил у радиостанции гитару. А компания у нас подобралась поющая: почти каждый умел взять пару-тройку аккордов. В те годы в ходу были добрые походные песни. Слова и мелодии песен до сих пор не потускнели от времени.

За снегами в горах Хадата приютилась,
В черных нитях антенн вьются флаги пурги.
Нас на гребне вчера круговерть прихватила
И смеялась пурга: " Посиди, не беги."

А сегодня в тепле у радиостанции сидим мы,
Для согрева - чаек, для души - разговор.
Отстучал на ключе, что положено Дима,
И течет разговор, и чадит "Беломор".

На Мало-Ульбинской ГЭС, слева направо: Костя Юринский - в тельняшке, Андрей Ложников - с гитарой, Саша Анисимов, Витя Есиков на ближнем плане.

Интересны картинки на стенах: думал - девочки, а нет! Присмотревшись, понял, что это Владимир Ильин в разных моментах биографии! Кстати, и у радиостанции на фото выше тоже Вождь мирового пролетариата, вместо бикини. А год-то на дворе без малого 1980-й...

Вечером вдруг почувствовал, что не могу поднять правую руку. Категорически. Трапецидальную мышцу пробивало болью. Такого у меня еще не было. Видно, перетрудил, отталкиваясь палкой, да еще под рюкзачной лямкой, которая могла бы быть и пошире...

Сказал мужикам. На счастье мое был среди нас доктор. Валька Вологдин меня потыркал, потеребил, потом сказал: "Ну, терпи". И началось.

Такого массажа мне никто ни до, ни позже не делал. Натурально до хребта доставал. Мне стоило труда не орать позорно. Но больно было очень. Та моя натянутая струной мышца выбрировала и вопила на все голоса, но Валька ее додавил.

Спасибо, Валька! Наутро я был как новенький.

Туманный заплыв

Следующий день с трудом пробил туманную утреннюю пелену. Облака сидели на плато плотно, как шапка, по самые глаза.

Очень плохой день для поисков.

Было ясно, что пропавшая группа на плато к водохранилищу так и не поднялась (а значит, наши коллеги из Балюкинской роты точно зря Громотухи чесали).

Решили посмотреть за водохранилищем западную часть плато. Заложить длинную дугу вдоль его границ с бассейном реки Тургусун в попытке подсечь след, если группа все же выбралась на джайляу и тут сбилась с пути. А сбиться в такую погоду...

Потом кто-то высказал здравую мысль, что надо бы проверить летовку на другом берегу, где пропавшие могли отсиживаться, если сумели туда добраться. Потому что на самом плоскогорье в снегах не выжить – нет дров. А на летовке, вроде, домик какой-никакой...

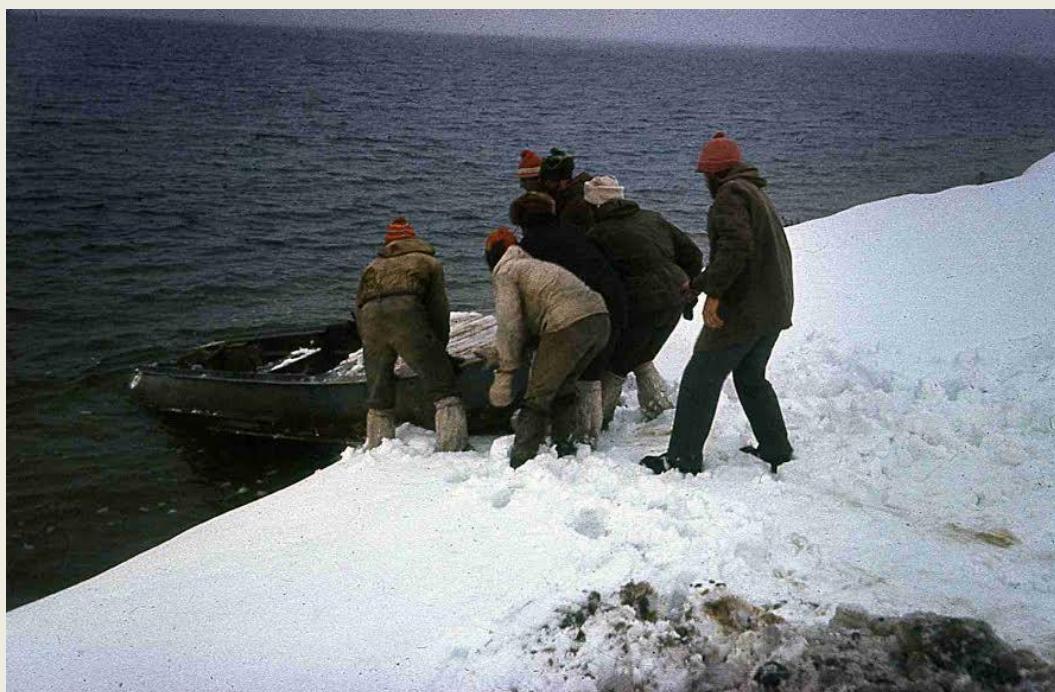
Вокруг озера идти далеко, и радисты предложили переправить на лодке. Вот только в "Казанку" много народа не посадишь.

Потому решили, что пойдут не самые ходовые лыжники: Ложников, Нефедов, а те, кого не жалко. Шутка.

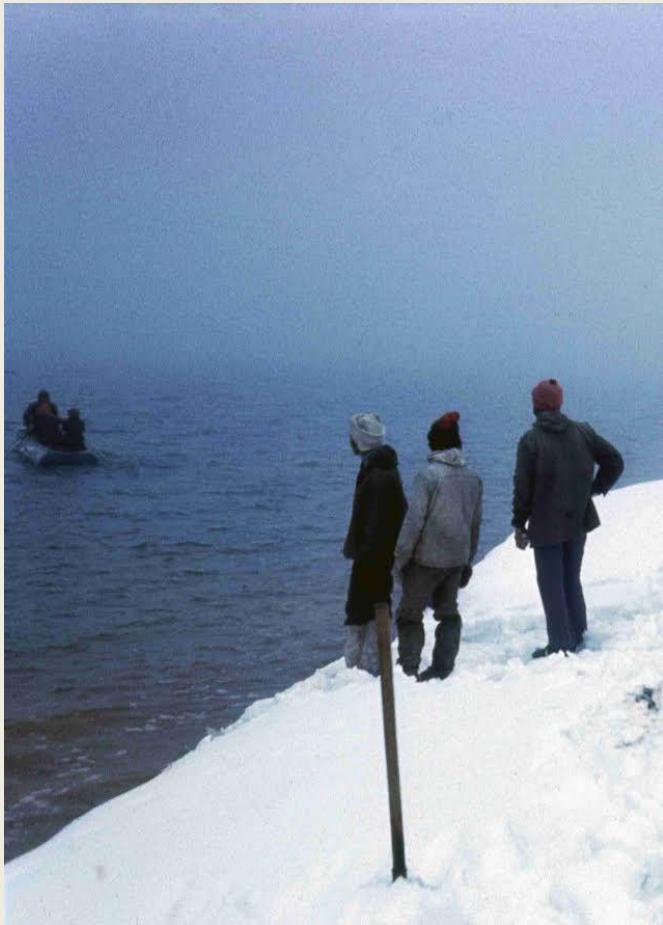
Не помню точно, кто ходил на "Казанке" на другой берег озера. Вообще слабо помню тот день, а дневника не вел, вопреки своему же обычаяу, о чем теперь сожалею. Так что восстанавливаю по фотографиям.

Подождали, пока приподнимется туман облаков и пошли на лыжах к берегу. С нами шли мужики с ГЭС – на широченных охотничих камусных лыжах. Таким никакой пухляк не страшен!

Нашли на берегу засыпанную снегом обмерзшую "дюральку", с трудом выдрали из-под снега, стащили на воду (слева направо с удалением: Анисимов, Вологдин, кто-то из радиистов, Есиков, второй радиист, Боровиков, справа Андрей Ложников):

Озеро теряло берега в облаках и жутковато смотрелось морем без берегов.

Погрузились вчетвером, в том числе мужики со станции, на весла сел наш капитан Анисимов, с ним отправился кто-то из наших, кажется, Женя.

А мы стояли на берегу и провожали их взглядами, пока "бригантина" растворялась в тумане.

На берегу слева направо: Есиков, Вологдин и Ложников:

Наш "морской десант" вернулся ни с чем.
Ни на летовке, ни в обозримых окрестностях следов не оказалось.

Что, в общем-то, и ожидалось.

Все хорошо, что хорошо кончается

А где-то после полудня по радиосвязи пришла долгожданная весть: Нашли!

Как это чаще всего бывает в этих горах, нашел туристов пасечник. Уж как он оказался в своем домике в непогодь, неважно. Охотился, наверно, по первоследу. Ну и натолкнулся на бедолаг в долине реки Становая. Привел благополучно в свой домик, и случилось это еще в тот день, когда мы только начинали поиски.

В общем, сегодня пацанов сняли с пасеки вертолетом, благо, улучилось окно в облаках.

Вот так и кончились поиски.

Но не наши приключения.

По идее, мы могли уходить хоть сразу: дорогой по Проходному белку в сторону Лениногорска-Риддера. Даже занесенной снегом, на лыжах – день ходьбы. Однако оказалось, что воины уже наладили вездеход, на ночь не пойдут, а вот завтра с утра выдвигаются на Серебрянск и могут принять нас "на броню".

В два раза дальше, но не на своих же двоих!

Эта вторая и последняя ночевка в домиках гидроэлектростанции Рыбий ключ (настоящее название, ныне забытое) была окрашена совсем в другие тона. Отпустила тревога, и нас обступил тот непередаваемый уют случайных стоянок, когда уже хочется домой и не хочется, чтобы заканчивалась Дорога.

Андрей Ложников и я на нарах в домике ГЭС:

Наша лыжи у печки стоят,
Оплывает огарок свечи.
Пляшут тени на лицах ребят
И гитара негромко звучит.

Здесь скрестились десятки путей
Разных радостей, встреч и утрат.
Здесь гадают про завтрашний день
По рисункам истрепанных карт

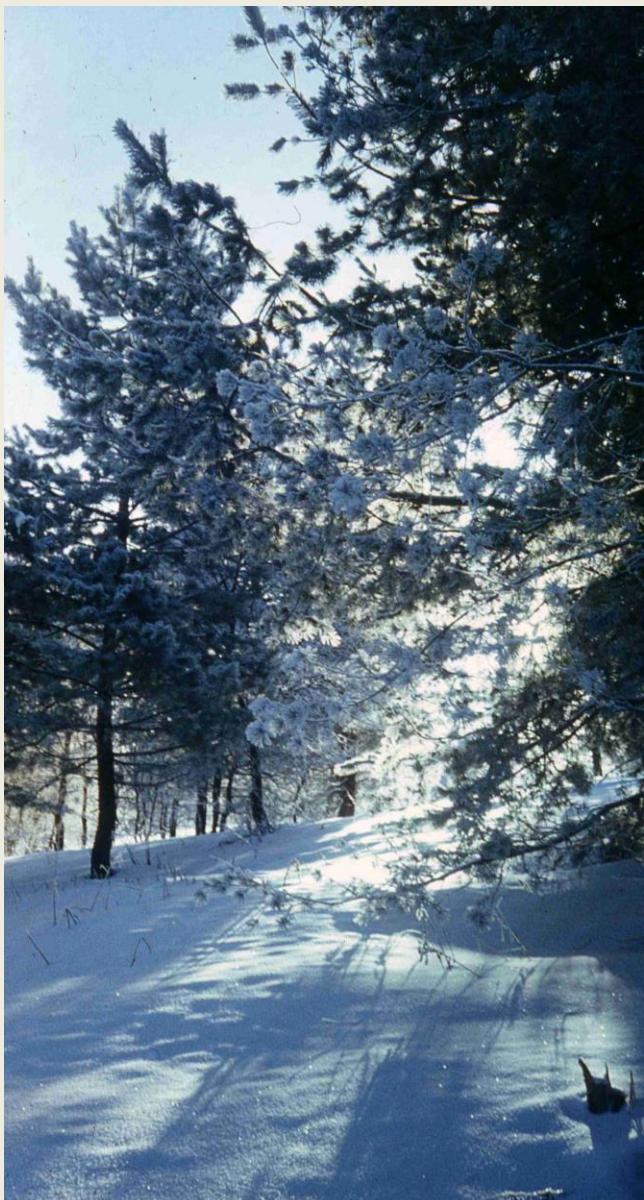
А живем мы, дороги любя.
Нам разлуки - прочитанный том.
Ну а песни - в них наша судьба,
Наше прошлое, наше "потом".

Нам еще переходы идти,
За туманом гоняться в лесах,
Знать, что в трудностях - радость пути,
Письма-песни с дороги писать.

Все разлукам и песням отдать
И узнать, что есть в радости боль,
В деревянных бывать городах,
На штурмовках осаживать соль.

Звездный ковш описал полуокруг -
Вот и кончилась песня моя.
Стало сонно и тихо вокруг,
Наша лыжи у печки стоят..

Арик Круп...
Конечно, наши лыжи у печки не стояли – нельзя их туда ставить.
И вообще они нам в этой истории больше не понадобились.
Потому что утром нам предстояла дорога совсем на другом виде транспорта.

Броня крепка...

Утром погрузились на вездеход все в той же молочной мгле.

Уложили в кузов лыжи, рюкзаки, уселились сами, запаковавшись во все теплое, что только нашли в рюкзаках. Но наверняка все равно околели, если бы старлей не распорядился выдать нам армейские полушибки.

Первые из нас, кто сидел спиной к железу, утеплились (слева направо: Анисимов, Боровиков, Вологдин, Нефедов). Остальные притутились к ним...

Лично я завернулся в полиэтиленовую накидку, с которой не расставался в любых выездах. И тут пригодилась (на фото ниже стою на "броне").

Солдатики уселись в кабину. И началось удивительное ралли по напрочь занесенной снегом горной лесной дороге.

Дорога катилась по зиме, и на крутых склонах наш ГТ-Т порой сползал боком так, что лично у меня ёкало сердце. Но выправлялся, снова цеплял траками склон и продолжал рваться вперед.

Сколько-то раз останавливались размяться, перекурить и подлить воды в радиатор.

Из облаков вывалились только на спуске в долину Мякотихи. Мякотиха вспухла от обильного таяния летящего с небес снега и выглядела угрожающе. А деревянный мост через нее вообще внушал оторопь, как, впрочем, и многие мосты через местные речки.

Построенные когда-то, они десятилетиями не знают ремонта, и все же стоят. И даже находятся те, кто по таким мостам ездит...

Наш танк остановился на берегу: видимо командиры перебирали варианты, а потом направился прямо в реку, решив не связываться с мостом.

Такой впечатляющей переправы у меня еще не было!

На середине стремнины оторвала тягач от грунта и понесла, но наше плавучее чудовище снова зацепилось гусеницами за валуны, рванулось вперед, снова поплыло, и, наконец, с грохотом вкотилось в левый берег Мякотихи. Это фото я сделал на ходу с брони:

За Мякотихой снова полезли в гору – перед нами вяз в небе Ульбинский хребет, и снегу прибывало с каждой сотней метров.

Когда одолели подъем, езда стала напоминать родео. Если на спусках к Мякотихе вездеход почти плыл в чуть ли не метровом снежном покрове, то тут было ниже, снега меньше, и дорога читалась конкретно. По горизонтали и на спусках скорость возросла. Теперь танк взлетал на очередной бугор и за ним с ходу клевал носом, норовисто поддавая задом. Каждый раз мы подлетали вместе с рюкзаками, цепляясь за все, что могли, чтобы удержаться в седле.

А если учесть, что вся дорога состояла из ям и бугров, то наша езда уже никому медом не казалась...

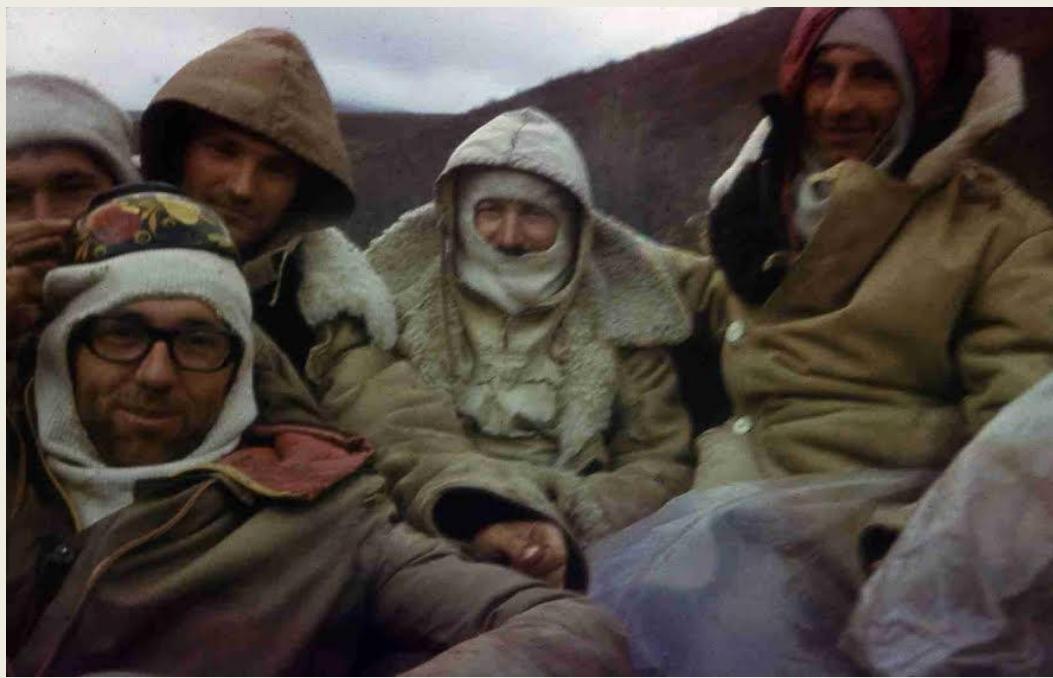
Когда выбрались на хребет, нас нагнала другая беда – полетел правый фрикцион. Хорошо, что наш водитель успел и смог затормозить, когда шайтан-арба, вместо того, чтобы повернуть вправо, вдруг ломанулась прямо на обочину, под которой сваливался вниз туманный склон горы. Чудом остановились над самым крутым.

Хорошее было бы завершение спас-работ...
До сих пор шерсть на хребте дыбом.

Что-то там мужики подремонтировали, конечно, но дальше мы ехали с большей осторожностью. А в крутые правые повороты вписывались «галсами»: проезжали прямо, потом сдавали задом с левым поворотом и продолжали прямо.

Снег кончился на спуске с Ульбинского хребта. Слоны вокруг почернели, сизое небо оторвалось от наших шапок, подскочило вверх. Стало заметно теплее, и настроение тоже поднялось. Забрезжил конец этой многочасовой скачки.

На броне слева-направо: Женя Боровиков, Костя Юринский (на переднем плане), Саша Анисомов, Валька Вологдин и Толик Нефедов):

Дорога освободилась от снега и... тут нас поджидал новый сюрприз!

Вырвавшись на бесснежные бурые долины, наш стальной конь поддал скорости, и за его кормой вдруг выросли многометровые столбы выкидываемой в небо грязи! Два бурых фонтана поражали взгляд, и я до сих пор жалею, что не сподобился хоть раз щелкнуть фотоаппаратом. Вся

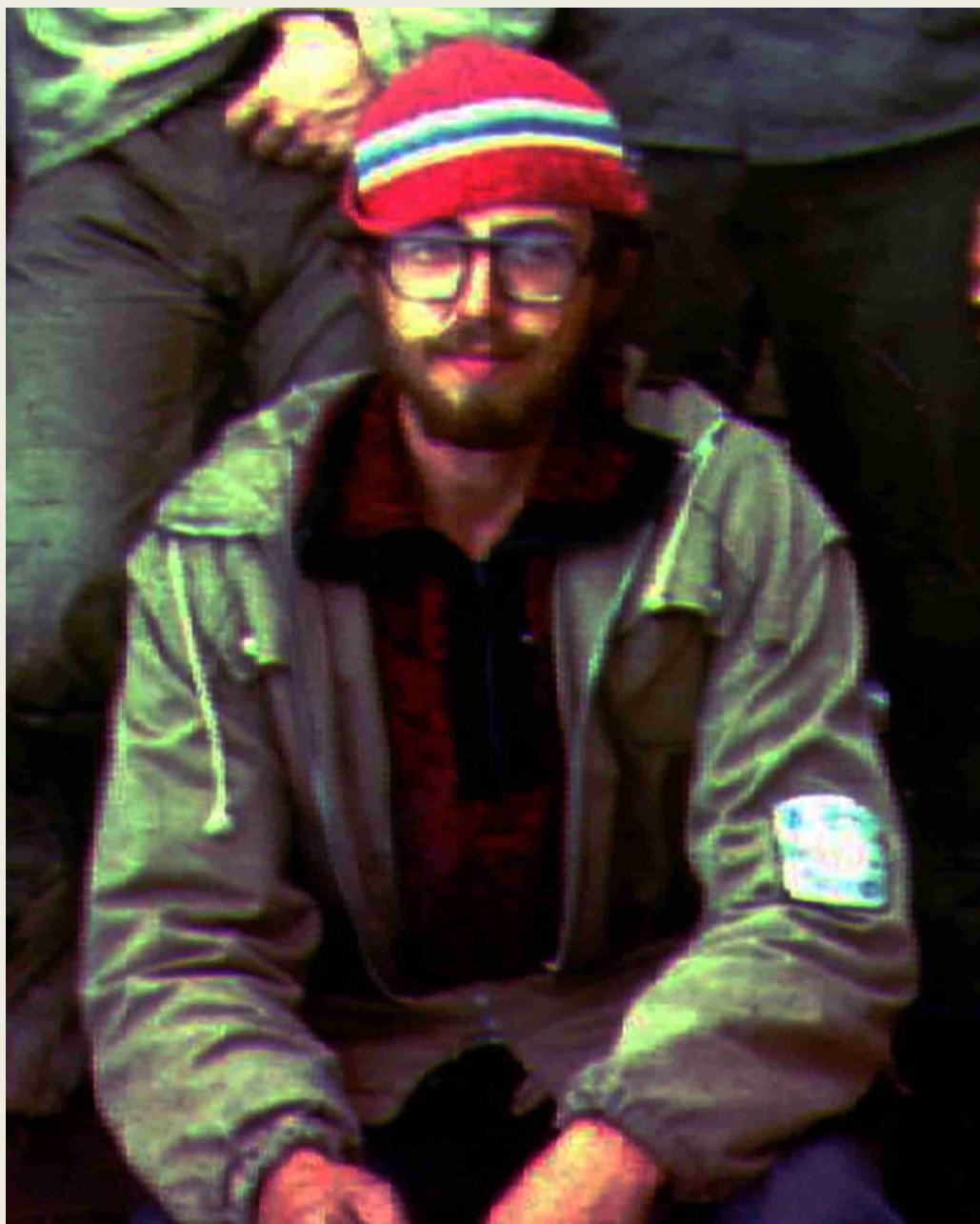
красота длилась до тех пор, пока водитель не притормаживал - тогда эти летающие столбы догоняли и обрушивались на наши обалденные головы!

Потом танк снова набирал скорость, ныряя и, как лопатой, лупя днищем в жидкие колдобины за каждым бугром, вздымая их содержимое в небо, и тогда эта субстанция перелетала через кабину опять же на наши головы.

Все это время, оглядываясь вперед, я с недоумением видел торчащую из бокового окна голову водителя. Какого беса плятиться из окна, если можно укрыться в кабине?

Но когда однажды, когда тот мельком обернулся, я увидел глиняную маску, вместо лица, то понял, что эта пытка – единственная альтернатива напрочь залепленному грязью ветровому стеклу!

Да-а... вот уж правда, русские не сдаются!

Асфальтовые наши города...

Но кончилась и это удивительное нисхождение с мутных непогодных небес.

ГТ-Т выкатил на трассу выше Серебрянска, и траки застучали по асфальту. Даже на резиновых катках такой технике въезд в город запрещен, а потому мы выгрузились на обочину.

И вскоре рас прощались с нашими воинами Дорог.

И даже солнышко вдруг позолотило сопки вокруг, будто радуясь вместе с нами

Потом пришел автобусик и привез нас к Серебрянскому Горисполкуму. Здесь на крыльце мы кое-как привели себя в порядок (слева направо: Есиков, Юринский, Ложников, Вологдин, Боровиков под окошком и Анисимов ближе к камере):

Потом нас отвезли на пристань, где в Усть-Каменогорск по Иртышу самая быстрая и прямая дорога водой: на "Ракете" или "Метеоре".

Провожала нас женщина из числа работников Исполкома (на пристани Серебрянска слева направо: Юринский, Боровиков, наша сопровождающая, Есиков, Серафимов, Ложников, за ним спрятался Нефедов, Вологдин, снимает Анисимов):

Когда стояли на дебаркадере, она вдруг кивнула в сторону берега:

- Вон, хотите посмотреть? Тот паренек, руководитель пропавшей группы.

Мы, конечно, хотели. Потому что уже знали кое-какие подробности этой истории. Оказывается, в налетевшей вдруг непогоде группа сбилась притоком, посчитав Становую Малым Тургусуном. Шли вверх по ее долине, пока не увязли в снегу.

След пропавшей группы подсекла спас-группа Славы Овечкина.

Слава потом рассказывал, как они шли. Несмотря на снегопад, след был местами еще виден.

Так вот все эти дни руководитель поднимал свою еле живую девчачью команду и гнал вперед, заставляя двигаться, искать сушкины, ломать и рубить дрова. Движение – жизнь. Жгли костры. Ночевали в брезентовой палаточке. Утром поднимались, и снова шли. В последние дни проходили по 4–5 километров в день – тонули в снегу, а обуты были в кеды. Когда ребятишек нашел охотник, они еще день добирались до его избушки.

Это был худенький долговязый паренек. Совсем не героического вида и облика. Он стоял на пристани, видимо, тоже ожидая и хмуро поглядывая в нашу сторону.

И я еще подумал, что именно этот пацан не дал замерзнуть своей группе – заставлял двигаться и работать, верить в благополучный исход.

Не помню, почему они не повернули назад, а упорно тропили вверх по долине. Наверно, думали, что уже скоро выйдут к жилью Мало-Ульбинской ГЭС... Была какая-то причина. Не помню. Главное – они выжили. А это покруче пройденного до конца маршрута.

А все кончается...

Вот так и закончились те осенние поисковые работы.

Оставив незабываемые воспоминания, школу зимних лыжных спасов и добрых товарищей, с каждым из которых мы навсегда остались в приятных отношениях.

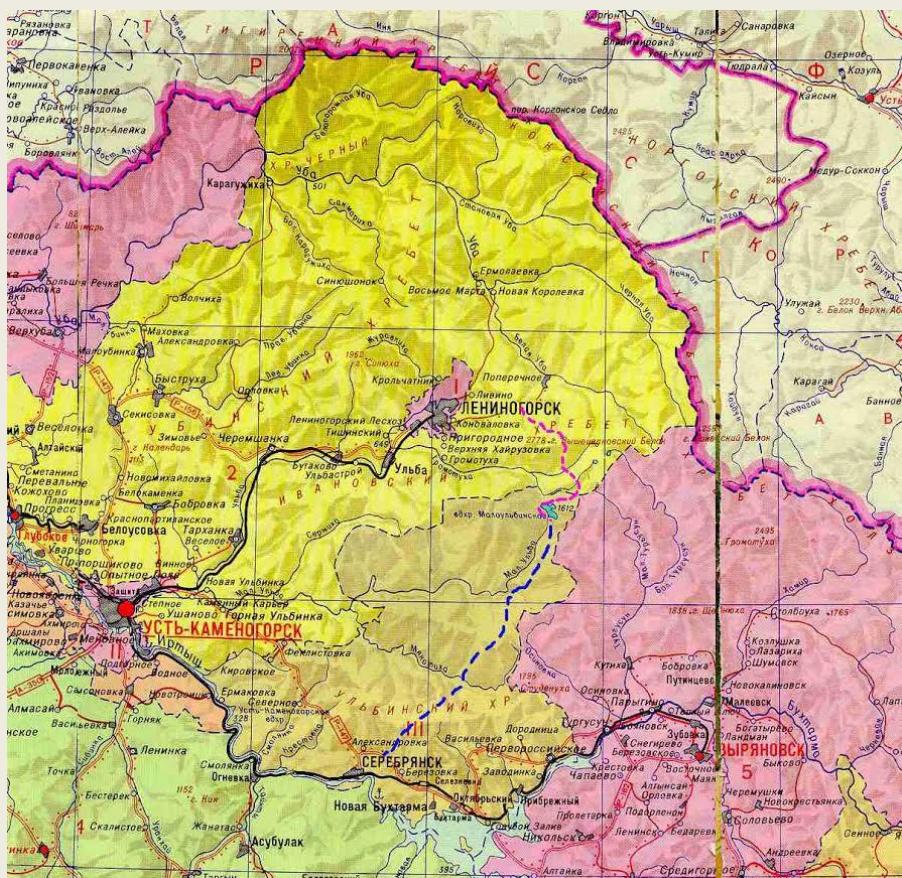
Где-то там, в параллельных Мирах, мы так и стоим на перевале в долину Громотухи, туристы-спасатели образца 1979-го года, слева направо: Женя Боровиков, Андрей Ложников, Толя Нефедов, я и Витька Есиков, а также не вошедшие в кадр Валька Вологдин и Костя Юринский.

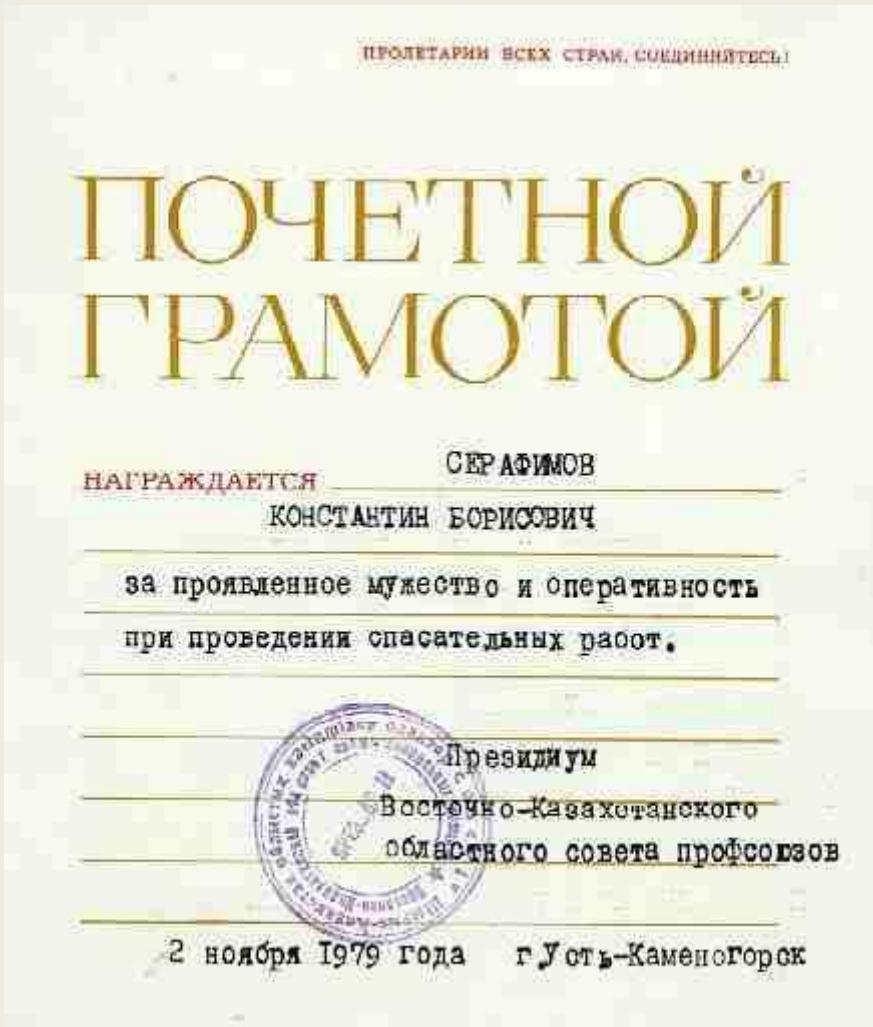
Наверно, может оказаться интересным посмотреть на те места, хотя бы в топографическом виде.

Вот обзорная карта нашего маршрута из Лениногорска в Серебрянск.

Сиреневым – лыжи, синим – на гусеничном транспортере-тягаче.

А еще у каждого осталась на память грамота, которыми нас одарил Облсовпроф, как общественников-спасателей. Никакого особого мужества мы, конечно, не проявили, но так было принято писать в подобных случаях.

Судя по дате, все наши приключения протекали в самом конце октября.

Вот такая история.

Почему-то вспомнилось под Новый 2017-й год...

Константин Б.Серафимов

31 декабря 2016 года